

Утро выдалось сонным.

Можно даже сказать, по-английски сонным. Улицы за окнами заволакивал воспетый поэтами лондонский туман, а мистер Блуберри, неповоротливый, но ещё вполне импозантный рыжий мужчина тридцати семи лет отроду, с трудом заставлял себя очнуться от ночного оцепенения. Выполняя традиционную лёгкую ежеутреннюю гимнастику - сперва чуть хрустнуть мышцами шеи, затем изогнуть руки в суставах локтей, затем полуприсесть, слегка дёрнуть ступнями, выпрямиться и повторить всё сначала, - он неотрывно следил за планомерно разогревающейся на газовой конфорке водой с не менее традиционно плавающими в ней тремя яичками.

Три яйца всмятку.

Ещё не всмятку, вернее, - вода пока что не успела даже утратить свой изначальный холод, - но, можно не сомневаться, в самом скором времени станут всмятку.

Классический завтрак холостяка.

Слегка нахмурившись, мистер Блуберри в очередной раз потрогал пальцем воду. Ещё раз нелестно помянув внутри себя как ушедшую в декрет экономку, так и прекрасную Маргарет, так некстати завёдшую в своих привычках каждое раннее утро выпархивать жаворонком из дома и отправляться на курсы самореализации - в чём, интересно, его дражайшая половина себя не реализовала? - вынуждая этим мистера Блуберри ощущать себя и весь свой особняк совершенно заброшенным.

Пустым.

Стоило ли соглашаться на участие в изнурительном формальном ритуале с произнесением торжественных слов и принесением нерушимых обетов, чтобы после этого быть вынужденным самому следить за неугасимым мерным свечением газовой конфорки?

Мистер Блуберри полагал, что нет.

Хотя он хорошо понимал, что с течением времени любой брак вырождается в формальность, место страсти занимает привычка, а место любви - забота друг о друге. В сущности, если люди успели достаточно хорошо узнать друг друга и при этом не пропитаться друг к другу отвращением, так ли уж это плохо?

Подумав, что рассуждает подобно своему престарелому отцу - тому было уже далеко за пятьдесят, когда мистер Блуберри в последний раз слышал от него подобные размышления, - он чуть улыбнулся. И постучал ложкой по краю кастрюльки с водой.

Раздался мелодичный звон.

- Ты уверена, что надо? . . - послышалось чьё-то сбивчиво-растерянное под кухонным окном. Поскольку особняк не был окружён садовым участком, все окна его выходили прямиком на улицу, так что вглубь помещений частенько залетали обрывки чьих-либо голосов.

- Обычно... опрос. Если что не так, ты сделаешь... да. Зато не из запретных. Тогда уж точно не откажется от интер... Лучше заранее.

Этот голос был звонче и явно уверенней предыдущего. Периодически он перекрывался первым - звучавшим на октаву ниже и уже столь тихим, что разобрать что бы то ни было при всём желании не представлялось возможным.

- Но если... - тем не менее послышалось ему на миг.

- Иди же! - в голосе позвонче звучала уже почти ярость.

Мистер Блubberри флегматично попробовал воду с краешка чайной ложечки, думая о том, что голоса молодёжи за окнами как будто с каждым годом становятся всё моложе. Или наоборот - это стареет он сам?

- Фррп-фф... не могу... я ей посоветовала применить... и одета как... Я сказала, мода ма...

Последнее слово он не вполне расслышал.

- Ты что... совсем? - этот девичий голос ещё не звучал.

- Нет, ничего страшного не... Ну в крайнем случае... - послышалось тихое хихиканье. - Ну она же не дура.

Посола не было.

Совсем.

Мистер Блubberри недоумённо причмокнул языком - и даже потянулся было к солонке, прежде чем сообразил, что совершает фундаментальную ошибку. Солить воду необходимо для пельменей, а не для яиц.

Одновременно с этим он услышал тонкую трель электрического звонка.

Кто это явился по его душу?

Кляня мысленно про себя всех назойливых коммивояжёров и религиозных проповедников этого мира, он приоткрыл обшитую вишнёвым плюшем внутреннюю дверь и припал на мгновение глазом к встроенному во внешнюю дверь мутноватому окуляру. С тех пор, как экономка ушла в декрет, стекло дверного глазка не чистили довольно давно.

- Кого это там принесло? - громко спросил Блubberри, приглядываясь к едва различимым тёмным очертанием чьей-то хрупкой фигуры. Он понимал, что в это мгновение едва ли выиграл бы специальное соревнование по этикету, но ему сейчас было не до расшаркиваний перед желающими всучить ему очередной листок глянцевого макулатуры или совершенно ненужный пылесос.

Ему послышалось, что он уловил через дверь чьё-то испуганное дыхание. Это лишь пуце его взъярило.

- Прекрасно, - почти прорычал он. - Если это всё, то я пошёл готовить завтрак.

И развернулся обратно, собираясь захлопнуть за собой внутреннюю дверь - захлопнуть метафорически, поскольку реально проделать это с обитой вишнёвым плюшем дверью не столь уж и просто. Ему показалось, что вслед ему едва-едва уловимо прошелестело несколько слов.

- Постойте, - это слово было уже произнесено громче. Произнесено чуть низким девичьим голосом, чем-то мистеру Блubberри знакомым. - Откройте дверь, пожалуйста.

Он замер, крепко держась за ручку внутренней двери.

Не потому, что голос незнакомки был ему знаком, - в конце концов, каких только совпадений не бывает на свете. С ним происходило что-то странное.

Голос стоявшей за дверью девушки как будто вплавлялся в его сознание, вворачиваясь обёрнутым мягким бархатом сверлом и будя неясные полузабытые фантазии.

Непроизвольно мистер Блubberри попытался представить себе её, незнакомку, стоящую сейчас за дверью.

Какого она роста? Блондинка или брюнетка? Какое на ней платье? Элегантно-чёрное или невинно-белое, интригующее своей макси-длиной или обнажающее все сокровенности прямо до ягодичек? Или, быть может, ножки её в соответствии с веяниями современной моды

обтянуты тесновато-деловитыми джинсами? Или, быть может, на ней сейчас вообще нет...

Смущённо кашлянув, мистер Блubberри оборвал грёзы.

Ощущая на щеках лёгкую краску, он слегка дрожащими руками повернул пару раз рычажок в дверном замке и откинул позолоченную цепочку. Стоящая на пороге девушка лет двадцати встретила его взгляд, и ему захотелось закусить губу, чтобы хоть как-то прийти в себя.

- Здравствуйте, - слегка смущённо проговорила она. - Меня зовут Полумна, но вы можете называть меня Луна. Многие зовут меня именно так.

Блондинка.

Причём, что характерно, блондинка чисто платиновая. Глаза чуть затуманенные, словно немного отрешённые от действительности, будто она слегка под марафетом или попросту не в себе. Но мистер Блubberри сейчас не мог фиксироваться на одних лишь её глазах - взгляд его стремительно перемещался то вверх, то вниз, от её туго обтягиваемой чёрной блузкой высокой груди до её едва скрывааемых короткой красновато-клетчатой юбкой нежнейших бёдер.

Он не мог припомнить, когда он в последний раз столь откровенно раздевал девушку взглядом.

Лет пятнадцать назад? Или двадцать?

- Мне поручено провести социальный опрос среди ма... - она смущённо кашлянула, - среди обитателей этого района. Вас не затруднит уделить мне пару минут?

Сейчас мистер Блubberри согласился бы уделить ей не только пару минут, но и пару часов.

Даже если, учитывая запас сил не первой свежести организма, продуктивными из них были бы лишь полчаса.

Но как знать?

- Конечно... конечно. - Он сглотнул слюну. Кажется, в горле у него пересохло. - Проходите внутрь, располагайтесь.

Полумна - или Луна? - вошла вглубь особняка, оглядываясь по сторонам и с явным любопытством изучая чуть выщербленные старинные стены, прикреплённую под потолком и уже много лет не используемую керосинку, висящий на стене барельеф с незатейливой росписью. Взгляд Блubberри следовал за ней, не в силах оторваться от тыльной стороны её безумно нагих коленей.

Пройдя в гостиную и уделив толику внимания книжному шкафу с собираемой дражайшей Маргарет коллекцией романов позапрошлого века, Луна расположилась на небольшом уютном диванчике. Кинула на мистера Блubberри короткий взгляд - от чего он почти сразу же ощутил физическую необходимость занять кресло напротив.

Её нагие колени, заманчиво закинутые одно на другое, были видны ему теперь как нельзя лучше. Клетчато-красная юбка, и без того невеликой длины, слегка задралась при размещении Полумны на диване, целиком обнажая кожу её атласных бёдер и отчасти даже будто бы ягодиц.